

«Я, ИНКВИЗИТОР».

ЦИКЛ О МОРДИМЕРЕ МАДДЕРДИНЕ

СЛУГА БОЖИЙ
МОЛОТ ВЕДЬМ
MIECZ ANIOŁÓW
ŁOWCY DUSZ

**JACEK
PIEKARA**

**MŁOT NA
CZAROWNICE**

Lublin

ЯЦЕК
ПЕКАРА

МОЛОТ ВЕДЬМ

fanzon

Москва
2021

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
П24

Jacek Piekara
MŁOT NA CZAROWNICE

Copyright © 2003 by Jacek Piekara
Публикуется с разрешения автора
и при содействии *Владимира Аренева*
Cover illustration © Dark Crayon
Оформление *Радия Фахрутдинова*

Пекара, Яцек.

П24 Молот ведьм / Яцек Пекара ; [перевод с польского
С. Легеза]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-122886-6

Вот он — инквизитор и Молот ведьм.

И перед ним новые испытания, новые головоломки, новые сражения. Столкновения с ведьмами и демонами, еретиками и богохульниками. Но что хуже — со злобной силой, которая зародилась в Ватикане. Достаточно ли его страстной веры, стальных нервов и острого ума, чтобы выжить? Какова будет цена сострадания к невинным жертвам?

В сердце слуги Божьего горит святой жар веры и желание служить. Меч Господа рубит, чтобы отделить агнцев от козлиц и зерна от плевел, а потом предать скверну огню.

Некоторые люди сомневаются, что Христос действительно сошел с креста. Это все работа сатаны. Вы сомневаетесь? Не ожидаете инквизицию? Тогда бойтесь!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-122886-6

© С. Легеза, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Яцек Пекара

МОЛОТ
ВЕДЬМ

Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских. Станьте к битве, препоясавши чресла ваши в истину и облекшись в броню справедливости, и обувши ноги в готовность благовествовать¹.

**Св. Павел. Послание к Ефессянам
(6:11, 6:14—15)**

¹ В канонический текст добавлено «...к битве», и вместо синодального «в броню праведности» — использовано «в броню справедливости». (Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер).

САДЫ
ПАМЯТИ

И многие лжепророки восстанут, и прельстят
многих.

Евангелие от Матфея (24:11)

Имя мое — Мордимер Маддердин, и я — инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Я добродетельный, честный, исполненный смирения и страха Божия человек, который нашел свое призвание в утешении грешников и в том, чтобы направлять их на путь, проторенный Господом Всемогущим, Ангелами и Святой Церковью...

Пиши я воспоминания, именно так бы и начал. Но я не пишу воспоминаний и не думаю, что когда-нибудь начну. И не только потому, что в душе и разуме человека всегда сыщутся места, куда заглядывать вовек не стоит, но и потому, что труд мой — обычен и приземлен. Я лишь один из сонма работников нашей Святой Матери Церкви. Слуга Божий. И подвиг, который я совершаю в своей жизни чаще всего, — борьба с клопами и вшами в корчме «Под Быком и Жеребчиком», где я живу, благодаря милости владельца, ветерана Шенгена. А мы — те, кто пережил шенгенскую резню, — имеем обычай держаться вместе и помогать друг

Яцек Пекара. МОЛОТ ВЕДЬМ

другу, пусть бы и разнились один от другого профессией, происхождением или достатком.

В тот день я почивал на втором этаже гостиницы и вслушивался в стон ветра за окном. Лето уходило, начинались первые холодные, дождливые дни. И было это хорошо, ибо теперь смрад сточных канав — в том числе самой большой из них, что зачем-то звалась здесь рекой, — становился почти терпимым. А ведь ваш нижайший слуга имеет необычайно тонкое обоняние: запах гниющих останков и нечистот ввергает меня в отвращение.

Я как раз раздумывал над собственным утонченным чувством прекрасного, когда услышал шаги на лестнице. Самая расшатанная ступенька отчаянно скрипнула, а я приподнялся на локтях и взглянул на дверь. Раздался негромкий стук.

— Войдите, — сказал я, и дверь приоткрылась.

На пороге я увидел женщину, закутанную в темный шерстяной платок. Лицо ее было под цвет платка, а длинный кривой нос заставлял вспомнить ведьм с гравюр, изображавших шабаш.

Ах, насколько же ложны такие представления, милые мои. Вы поразились бы, узнав, сколь красивые и благородные женщины предаются дьяволу. Да и что бы ему охотиться меж высохших, отцветших девиц навроде той, что явилась ко мне в комнату? Известно ведь: дьяволу больше по нраву красотики-молодухи со свежими щечками и торчащими

грудками. А у этой женщины красивыми были разве что зеленоватые глаза, но при том обладала она пристальным птичьим взглядом.

— Мастер Маддердин, — сказала, склоняя голову. — Захотите ли вы меня принять?

— Прошу, — ответил я и указал на табурет, а она присела на краешек. — Чем могу служить?

— Мое имя Верма Риксдорф, благородный мастер, и я — вдова купца зерном Амандуса Риксдорфа, прозванного Жилой.

— Он был настолько прижимистым? — пошутил я.

— Нет, господин. — Я подметил, что на ее щеках появился румянец. — Его называли так совсем по другой причине...

Хотел спросить, по какой же именно, но вдруг понял и рассмеялся.

— Ах, да, — сказал я, и она покраснела еще сильнее. — Слушаю, Верма. С каким делом ты пришла ко мне?

— Мне нужна помощь. — Она подняла взгляд и твердо посмотрела мне в лицо. — Помощь кого-то достаточно важного, бесстрашного и готового к путешествию.

— Будь я важным, не обитал бы в этой гостинице. Путешествие во время осенних дождей мне тоже не по нраву, а что до бесстрашия, то денно и ночью дрожу я в страхе перед Господом. Не повезло тебе, Верма. До свидания.

Яцек Пекара. МОЛОТ ВЕДЬМ

— Но господин, — я услышал в ее голосе беспокойство. — Мне рекомендовали тебя друзья друзей. Говорили, что ты человек, сила которого сравнима лишь с твоей же решительностью, и что нет равных тебе в преследовании дьявола и его приспешников.

— Лстыят, — сказал я, ибо был глух к лести. Хотя... Настолько вежливые слова всегда щекочут сердечко.

Ничто так, как первоначальное безразличие, не повышает сумму, с которой клиент готов расстаться в обмен на услугу. А за душой у вдовы купца зерном наверняка имелось кое-что посерьезней вдовьего грошика. И пусть одежда ее не соответствовала моим надеждам, но доводилось мне видеть и княжон, что одевались, будто нищенки. Да-да, не так уж много на свете того, что способно удивить вашего низжайшего слугу.

— Я не богата, — сказала она, а я пожал плечами. Ну почему бы клиентам не придумать другую песенку? — Однако я в состоянии немного заплатить за небольшую услугу.

«Будь услуга действительно небольшой, ты не искала бы встречи со мной. А будь ты красивой, нашелся бы и другой способ меня отблагодарить», — подумал я, но не сказал ни слова. Минуту-другую смотрел на нее в молчании.

— Говори, — молвил наконец. — Как раз нынче у меня нет дел.

Будь Верма Риксдорф красивой молодой девушкой, я предложил бы ей кубок вина, но поскольку выглядела она так, как выглядела, мне даже не хотелось подниматься с постели.

— У меня есть сестра, что живет в Гевихте, в сорока милях на север от Хеза, — начала она. — Это маленький городок, а сестра переехала туда, когда вышла замуж за торговца скотом Туреля Воснитца, и надо сказать, противу воли родных, поскольку...

Я вскинул руку:

— Нет нужды рассказывать мне историю твоей семьи. Мне нравятся лишь увлекательные рассказы.

Верма Риксдорф сжала губы, но ничего не ответила.

— Будет и увлекательно, обещаю, — сказала наконец.

— Ну, если обещаешь... — Я кивнул, чтобы продолжала.

— Сестра воспитывает восьмилетнего сына. И рассказала мне, что у ребенка есть определенные... — Она замолчала, не зная, что сказать, и нервно сжала руки. — Можно мне кубок вина?

Я указал на столик с кувшином и двумя грязными кубками. Верма Риксдорф вытерла один краем платка — что за стремление к чистоте! — и налила вина.

— А вы, мастер? — спросила и, не дожидаясь ответа, наполнила второй кубок. Подала его мне.

Яцек Пекара. МОЛОТ ВЕДЬМ

Снова уселась на табурет и взглянула себе под ноги, поскольку наступила на лежавшую на полу книгу. Были это «Триста ночей султана Алифа», куда как небезынтeресная вещица, которую я получил от моего приятеля, печатного мастера Мактоберта. Я снова увидел, как она покраснела. Ну-ну, уж если это название ей что-то говорит, значит, не настолько Верма Риксдорф выцветшая и скучная, какой кажется.

«Триста ночей султана Алифа», конечно, находились в списке запретных книг, но как раз на такого рода нарушения глядят сквозь пальцы. Я сам видел изукрашенный, с реалистично исполненными рисунками экземпляр у Его Преосвященства Герсарда, епископа Хез-хезрона. Ха, триста ночей, триста женщин — интересная жизнь была у султана Алифа! Хотя, скажем честно, повесть заканчивалась печально, ибо султана, поглощенного непрерывным трахом и не занимающегося делами государства, приказывал убить великий визир.

*Зачем, ах, зачем отдавался я похоти,
В объятиях наложниц вкушая усладу?
Жаль мне сего: пред Господним лицом*

Гляжу я на меч: бьет, не знаю с ним сладу, — говорил султан в конце, и был сей монолог столь дурно написанный, что аж скулы сводило. Впрочем, рассказывали, что его приписали через много лет после смерти автора, желая добавить по-

САДЫ ПАМЯТИ

вести морализаторства. Вполне возможно, поскольку фантазия копиистов и печатников безгранична.

Я так задумался о султানে Алифе и обстоятельствах его жизни, что почти позабыл о женщине, сидевшей напротив.

— Могу ли я продолжать?

— Ах, простите, — ответил я и отпил винца. Научу ли когда-нибудь Корфуса, чтоб хотя бы мои кувшины не крестил водой?

— Сынок сестры обладает особым даром, — сказала она, и я видел, что говорит через силу. — В святые дни его ладони и голени покрываются кровавыми ранами...

Я приподнялся с постели.

— ...и раны также возникают у него на челе — там, где варвары возложили на Господа нашего терновый венец.

— Стигматы, — сказал я. — Чудненько.

— Да, стигматы, — повторила она. — Сестра скрывала это так долго, как могла, но в конце концов дело выплыло наружу.

— И?..

— Местный приходской священник показывал парня во время церковных праздников. Люди приезжали издалека, чтобы на него взглянуть. Ну и понятно...

— Приносили немалый доход, — закончил я за нее.